

России первая любовь

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ ПОЭТА

АННА АХМАТОВА

Слово о Пушкине

...После... океана грязи, измен, лжи, равнодушия друзей и просто глупости полетик и не-полетик, родственничков Строгановых, идиотов-кавалергардов, сделавших из дантесовской истории вопрос чести полка, ханжеских салонов Мессельерде и пр., высочайшего двора, заглядывавшего во все замочные скважины, величавых тайных советников — членов Государственного совета, не постеснявшихся установить тайный полицейский надзор над гениальным поэтом, — после всего этого как торжественно и прекрасно увидеть, как этот чопорный, бессердечный («свинский», как говорил сам Александр Сергеевич) и, уж конечно, безграмотный Петербург стал свидетелем того, что, услышав роковую весть, тысячи людей бросились к дому поэта и навсегда вместе со всей Россией там остались.

«Мне надо привести в порядок мой дом», — сказал умирающий Пушкин.

Через два дня его дом стал святыней для его Родины, и более полной, более лучезарной победы свет не видел.

Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены

высочайшего двора, министры, аншефы и не-аншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками, а затем просто опочили в картотеках и именных указателях (с перевранными датами рождения и смерти) пушкинских изданий.

Он победил и время, и пространство.

Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет, это что-то совсем другое. В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны оттуда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин, или: здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно. Государь император Николай Павлович в белых лосянах очень величественно красуется на стене Пушкинского музея; рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово «Пушкин», и, что самое для них страшное — они могли бы услышать от поэта:

За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила — право, только ваши дети
За меня вас будут проклинать.
(Печатается с небольшими сокращениями).

...Смерть поэта словно разделила Россию на два противоположных лагеря. В то время как в позолоченных салонах и раздушенных будуарах продолжали поносить память поэта, юстальная читающая Россия содрогалась в рыданиях. К его пробу нескончаемой чередой шли студенты, офицеры, чиновники, ремесленники, крестьяне. На лицах многих были слезы. Столь бурное выражение народной скорби удивляло иностранных наблюдателей.

Прусский посланник при русском дворе Либерман доносил своему правительству: «Смерть Пушкина представляется здесь как несравнимая потеря для страны, как общественное бедствие. Национальное самолюбие возбуждено тем сильнее, что враг, переживший поэта, — иноземного происхождения. Громко кричат о том, что было бы невыносимо, чтобы французы могли безнаказанно убить человека, с которым исчезла одна из самых светлых национальных слав. Эти чувства проявились уже во время похоронных церемоний по греческому обряду, которые имели место сначала в квартире покойного, а потом на торжественном богослужении, которое было совершено с величайшей торжественностью в придворной Конюшенной церкви, на котором почли долгом присутствовать многие члены дипломатического корпуса. Думают, что со времени смерти Пушкина и до перенесения его праха в церковь в его доме перебивало до 50 000 лиц всех состояний, многие корпорации просили о разрешении нести останки умершего. Шел даже вопрос о том, чтобы отпрячь лошадей траурной колесницы и предоставить несение тела народу; наконец, демонстрации... вызванные смертью человека, который был известен за величайшего атеиста, достигли такой степени, что власть, опасаясь нарушения общественного порядка, приказала внезапно переменить место, где должны были состояться торжественные похороны, и перенести тело в церковь ночью».

По некоторым сведениям, французский посол Барант, знавший цену Пушкину и как поэту, и как историку, сравнил «общенародное чувство», вызванное трагедией гибели Пушкина, с тем, «которым одушевлялись русские в 1812 году».

Боль и пнз соединились в сердцах русских. В церкви, где шло отпевание Пушкина, на па-

перти навзничь лежал кто-то большой в черном, содрогаясь в рыданиях. Это был Вяземский.

В далекой ссылке Кюхельбекер, получив известие о смерти Пушкина, впал в глубокую депрессию и сказал, что отныне он навсегда лишен вдохновения. А Иван Пущин записал: «Кажется, если бы при мне должна случиться несчастная его история и если бы я был на месте К. Данзаса, то роковая пуля встретила бы мою грудь...»

«Пушкин убит! — восклицал Матюшкин в письме к лицейскому другу. — Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев, Яковлев! Как мог ты это допустить?»

Лев Пушкин писал отцу: «Эта ужасная новость меня сразила, я, как сумасшедший, не знаю, что делаю и что говорю... Если бы у меня было сто жизней, я все бы их отдал, чтобы выкупить жизнь брата».

Россия рыдала. Бенкендорф бдил. Бенкендорф и Уваров распорядились, чтобы в печати ничего не было опубликовано о смерти поэта. Но заткнуть рот русской литературе жандармам было не под силу. Уже передавались из рук в руки и всюду читались обличительно-огненные лермонтовские стихи, в которых причины гибели поэта описаны удивительно точно. В. Ф. Одоевский, рискуя подвергнуться серьезному наказанию, опубликовал 30 января 1837 года в «Литературных прибавлениях» к журналу «Русский инвалид» такие строки: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно; всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! наш поэт! наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина! К этой мысли нельзя привыкнуть!»

Жуковский, перебирая бумаги только что умершего поэта, обнаружил потрясшие его стихи:

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит...
И все шептал их как заклинание, как молитву,
как утешение, как реквием...

[ГЕНРИХ ВОЛКОВ. Из книги «Тебя, как первую любовь...»]

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

О Пушкине

...И Пушкин падает
в голубоватый
Колючий снег. Он знает —
здесь конец...
Недаром в кровь его влетел
крылатый,
Безжалостный и жалящий
свинец.
Кровь на рубаше... Полость
меховая
Откинута. Полозья дребезжат.
Леса и снег и скука путевая,
Возок уносится назад, назад...
Он дремлет, Пушкин.

Вспоминает снова
То, что влюбленному забыть
нельзя, —
Рассыпанные кудри Гончаровой
И тихие медовые глаза.
Случайный ветер не разгонит
скуку,
В пустынной хвое замирает
край...
...Наемника безжалостную руку
Наводит на поэта Николай!
Он здесь, жандарм!

Он из-за хвой леса
Следит — упорно, взведены ль
курки,
Глядят на узкий пистолет
Дантеса
Его тупые скользкие зрачки.
И мне ли, выученному,
как надо

Писать стихи и из винтовки
бить,
Певца убийцам не найти
награду,
За кровь пролитую
не отомстить?
Я мстил за Пушкина
под Перекопом,

Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался
по окопам,
Покрытый вшами, голоден
и бос.
И сердце колотилось
безотчетно,
И вольный пламень в сердце
закипал,
И в свисте пуль, за песней
пулеметной
Я вдохновенно Пушкина читал!
Идут года дорогой неуклонной,
Клокочет в сердце песенный
порыв...
...Цветет весна — и Пушкин
отомщенный
Все так же сладостно
вольнoлюбив.

И. КОЛПАКОВА, Герой Социалистического Труда, н. а. СССР, лауреат Государственной премии СССР:

Пушкин в моей жизни? Это так много, что трудно даже выразить словами. Это целый мир, прекрасный, сложный, волнующий.

Мы погружаемся в него в ранней юности и остаемся в нем, пока дышим.

Не только каждое слово поэта, но и каждое мгновение его жизни тщательно изучены, бережно хранятся новыми поколениями. Все, что связано с его именем, — свято, все дорого, все любимо.

Несколько лет назад в мою жизнь вошла Наталья Николаевна. Никогда раньше не думала, что смогу воплотить на сцене ее образ. Я была воспитана еще той литературой, которая утверждала, настаивала, что именно Наталья Николаевна виновна в гибели Поэта. Сегодня, когда найдено

много новых, неизвестных ранее документов, уже каждый школьник знает, что это неправда. А я еще в юности задумывалась: как же так? Пушкин — человек такой интуиции, внутреннего прозрения, ума, до последнего дыхания защищал честь неверной жены?! Не может быть такого! И я рада, что отношение к Наталье Николаевне сейчас изменилось.

Меня долго убеждали Н. Касаткина и В. Василев, что Наталья Николаевна у меня «получится». А я все сомневалась. Боялась ужасно. И я благодарна им за доверие. Сколько прекрасных часов пережито в этой работе

...На Ленинградском телевидении А. А. Белинский снял фильм «Души моей царицы», в котором задумал показать «все произведения хореографии, посвященные имени Пушкина». Все номера связывал между собой образ Авдотьи Истоминой, той самой, которая вошла в историю бессмертными словами Поэта: «Блистательна, полувоздушна, смычку волшебному послушна...»

Я танцевала все женские партии этого фильма — и Марию из «Бахчисарайского фонтана», и Черкешенку из «Кавказского пленника» (балеты Асафьева), и Парашу из «Медного всадника» Глиэра. Специально для фильма я разучила лезгинку из «Руслана и Людмила» Глинки.

Еще хочу сказать: я очень счастлива, что именно в нашем театре идут балеты «Пушкин» и «Бахчисарайский фонтан». И очень жаль, что, надеюсь, временно, не показывает наша труппа балет «Медный всадник» — еще один «пушкинский» спектакль.

Н. ОХОТНИКОВ, н. а. СССР,
лауреат Государственной премии СССР:

Я думаю, что невозможно назвать хоть одного творческого человека, которого не вдохновлял бы Пушкин. А как артист музыкального театра добавлю, что на его сюжеты, на его слова написана самая прекрасная музыка.

Занимаясь в школе, я, видимо, плохо учил литературу—нравился каждый поэт в большей или меньшей степени. А Пушкин был как некий символ—все считают, что это гениально, а я и не спорил. Но вот в Ленинграде, где все дышит его творчеством, где каждый истинный житель города любит Пушкина по-настоящему, и каждый по-особому... я, наверное, надышался этим воздухом. Я все чаще нахожу в Пушкине советчика, нахожу ответы на все вопросы, которые волнуют меня.

Наверное, больше ста раз я прочитал трагедию перед новой постановкой в нашем театре «Бориса Годунова». Я не просто читал, я будто бы впитывал в себя пушкинский слог—и находил ответы, и получал еще более сложные вопросы.

Пушкин—это легко и трудно. Легко, потому что понятно и быстро запоминается каждое слово, а трудно, потому что эти простые слова влекут за собой сложные размышления обо всем нашем существовании.

Борис Годунов, бесспорно, самая заветная, самая желанная партия. А есть еще и Кочубей, и Гремин... Соприкосновение с Пушкиным в музыке—это внутренний подъем, это наслаждение для поэта.

У меня не бывает сольных концертных программ, куда бы я не включал хоть одно произведение на слова Пушкина.

И было несколько специальных программ, которые я исполнял в Стасовском зале музея в городе Пушкине. Это романсы Римского-Корсакова, Даргомыжского, Глинки, Свиридова... И какие стихи! Каждое слово драгоценно. Люблю первого Поэта России!

...

Т. НОВИКОВА, з. а. РСФСР,
лауреат Государственной премии РСФСР:

Как и всякий русский человек, я с детства уверена, что Пушкин—родоначальник всего прекрасного. Он с нами ежедневно: наша душа, наше сердце.

А мне, считаю, просто повезло, что довелось воплощать на сцене пушкинскую Татьяну, чей образ волновал и будет волновать все поколения читателей, а в соединении с музыкой Чайковского—все поколения слушателей.

Я очень люблю в нашем театре два спектакля: «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» и св. героинь в них. Но Татьяна своей сути все-таки ближе моему сердцу.

«Редает облаков...», «Фтану Бахчисарайского дворца»—назвала, пожалуй, самые любимые романсы из моего концертного репертуара. Безусловно, каждого читателя свой Пушкин очень музыкален.

Л. ШЕВЧЕНКО, н. а. РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР:

«У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том...» Совершенно точно помню, что это были первые строки, которые я прочитала и на всю жизнь запомнила. Пушкин для меня, как и у абсолютного большинства русских людей, начинается со своих неповторимых сказок. Наша учительница по литературе Нина Ивановна Иванова читала нам Пушкина так артистично и так вдохновенно, что все мы невольно подражали ей. Думаю, что любовь к искусству развилась во мне благодаря этому прекрасному педагогу.

Пушкин—это сама жизнь. Его внутренний и поэтический мир настолько всеобъемлющ, что каждый человек найдет в нем что-то свое, самое заветное. Я люблю все женские образы в его произведениях, потому что каждый жизненно ясен, правдив настолько, что воплотить его на сцене очень трудно—нужна предельная искренность. А как актриса музыкального театра добавлю, что Пушкин и Чайковский словно рождены были друг для друга.

Все партии, которые я исполняю в операх Чайковского по произведениям Пушкина, очень дороги мне: я чувствую родную душу Татьяны, прекрасно понимаю эмоциональную сторону характера Лизы. Но более всего меня захватывают цельность и сила их натур. Увлекает меня и красивая, можно сказать, музыкально богатая партия Марии в «Мазепе».

Когда я выхожу на сцену в партии Татьяны в нашем спектакле, я хочу исполнить ее так, чтобы зрители почувствовали, насколько дорог мне Пушкин, насколько полно выразить дух его поэзии и огромную благодарность за его преклонение перед русской женщиной.

С. ЛЕЙФЕРКУС, н. а. РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР:

Любовь к Пушкину рано или поздно приходит к каждому. У меня она зародилась, когда я начал работать над романсами. Надо сказать, что романсы на стихи поэта по-особому звучат в местах, связанных с его жизнью. Например, на Пушкинских праздниках в Михайловском, в которых я уже лет пятнадцать регулярно принимаю участие. Или в Лицее, или в Александровском парке города Пушкина.

Запомнилась атмосфера выставки в Манеже «Пушкин и его время в изобразительном искусстве XIX—XX вв.», когда мы с Татьяной Новиковой исполняли сцену из «Евгения Онегина».

Пока в моем репертуаре три партии из опер по пушкинским произведениям: Онегин, Томский, Елецкий (надеюсь спеть когда-нибудь Мазепу). По-разному отношусь я к своим героям, но пою эти партии с огромным удовольствием. Меня притягивает мелодика языка Пушкина, я ценю его как музыканта, как вокалиста.

Многие годы моей творческой жизни связаны с Онегиным. Конечно, в основном с оперой Чайковского. Но мне очень интересно, и как драматические актеры воплощали этот образ. Например, Сергей Юрский на телевидении, когда он читал «Евгения Онегина» Пушкина. Как читал! Это было много лет назад, а я до сих пор нахожусь под впечатлением.

Словом, считаю, что Пушкину «все возрасты покорны».

А. СТЕБЛЯНКО, з. а. РСФСР:

Пушкин всегда был самым любимым моим поэтом. Прежде всего потому, что его поэтический дар ни в чем не расходится с человеческими качествами. И жизнью своей, и смертью он утверждал высокие идеалы человеческие и воплотил их в своем творчестве. Сколько разнообразных характеров создано его гением! Четыре из них мне посчастливилось воплотить на оперной сцене.

Ленский—престижный дебют всех теноров—с него я начинал в нашем театре. До сих пор мне

Р. БАГАУТДИНОВ:

Надо ли говорить, что значит для артиста воплотить на сцене образ человека, одно имя которого вызывает чувство благоговения в сердцах миллионов людей. А если это средствами хореографии, да еще впервые на балетной сцене? Я думаю, каждый понимает, какое волнение и даже страх испытал я, когда постановщики балета А. Петрова «Пушкин» Н. Касаткина и В. Василев, выбирая исполнителей на главную партию, остановили свой выбор на мне. Я очень хорошо помню 1979 год, время постанов-

дорога его романтическая натура, хотя, конечно, с возрастом все больше волнует Герман—натура сильная, яркая, трагическая.

Интересна мне и неординарная, по-своему талантливая личность Самозванца. Привлекает меня и волевой, преданный своей любви Андрей из оперы «Мазепа».

Пушкин—наша национальная гордость, слава, «первая любовь России». И это навсегда, пока бьются человеческие сердца, пока живо понятие Прекрасного.

...

ки спектакля. Здесь было многое: и творчески напряженная работа над современной хореографией, и заново открываемый мир жизни Поэта, и радость партнерства с такой балериной, как И. Колпакова.

Прекрасно, что в нашем театре до сих пор идет балет (правда, сейчас очень редко), который сделан о Пушкине и его времени. Мне кажется, что каждое появление спектакля на афише—подарок ленинградских мастеров хореографии всем тем, кто с любовью и благоговением производит имя Пушкина.

Интервью у солистов театра
взяла Н. НОВИКОВА.

На снимках:

вверху — Р. Багаутдинов
в роли Пушкина, И. Колпакова — Наталья Николаевна («Пушкин»).

Н. Охотников — Борис («Борис Годунов»).

Внизу слева направо —
А. Стеблянко — Герман,
Л. Шевченко — Лиза («Пиковая дама»),
С. Лейферкус — Онегин, Т. Новикова — Татьяна («Евгений Онегин»).

Фото Ю. Ларионовой

